

ДУХОВНОМУ ВЪСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

15-го іюля

№ 14-й.

1893 года.

БОРЬБА ПЛОТИ И ДУХА *).

Есть брань въ членахъ нашихъ, какъ читаемъ у Апостола: *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряженію Божію, она вѣдрилась какъ бы въ самую природу нашу. И можно ли почитать ее инымъ чѣмъ, какъ не естественною какъ бы принадлежностію человѣческаго естества послѣ паденія перваго человѣка, если она всѣмъ безъ исключенія обща? Надлежитъ однакожъ вѣрить, что она имѣется въ насъ по волѣ Божіей, во благо намъ, а не во зло, если она всѣмъ природна. Она оставлена въ насъ для возбужденія въ насъ ревнованія о высшемъ совершенствѣ.

Слово *плоть* въ семь мѣстѣ должно принять не въ смыслѣ человѣка, какъ существа, а въ смыслѣ воли плотской, или худыхъ пожеланій: равно и подъ словомъ *духъ* разумѣть надо не какое либо существо личное, а пожеланія души добрыя и свята. Такой смыслъ опредѣлилъ самъ же Апостолъ, говоря такъ: *духомъ ходите, и похотти плотскія не совершайте: плоть бо похотствуетъ на духа*, и проч. (тамъ же ст. 16). Такъ какъ тѣ и другія пожеланія находятся въ одномъ и томъ же человѣкѣ; то и ведется внутри насъ непрерывная междоусобная брань. Тогда какъ похоть плоти, главнымъ образомъ стремящаяся къ грѣховному, находитъ удовольствіе въ одномъ томъ, что относится къ удовлетворенію потребностей настоящей жизни;

*) Добротолюбіе, томъ II, стр. 16—20. Москва, 1884.

духъ, напротивъ, весь желаетъ прилѣпляться къ дѣламъ духовнымъ, оставляя даже самыя необходимыя потребности плоти, и желаетъ предаться исключительно тѣмъ однимъ, не удѣляя даже и малой заботы тлѣнной плоти сей. Плоть услаждается изобиліемъ и всякими удовольствіями; духу не пріятно попеченіе даже о предметахъ естественныхъ потребностей. Та желаетъ насыщаться сномъ и наполняться пищею; этому такъ питательны бдѣнія и посты, что онъ не хотѣлъ бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желаетъ изобиловать всякими богатствами; этотъ не доволенъ даже тѣмъ, что имѣетъ малое количество хлѣба на каждодневное употребленіе. Та желаетъ нѣжиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднѣе жестокое житіе и просторность неприступной пустыни, и не пріятно присутствіе смертныхъ. Та плѣняется почестями и похвалами челоуѣческими; этому радостны гоненія и обиды.

Когда воля наша водится самолюбіемъ и земною мудростію; то загадываетъ держать нѣкую, достойную всякаго осужденія средину между сими двумя стремленіями, располагаясь такъ воздерживаться отъ плотскихъ страстей, чтобы при этомъ нисколько не терпѣть прискорбностей, неизбѣжныхъ при исполненіи требованій духа, — безъ казненія плоти желая достигнуть тѣлесной чистоты, безъ труда бдѣній стяжать чистоту сердечную, съ упокоеніемъ плоти обиловать духовными добродѣтелями, безъ ожесточенныхъ злословій получить благодать терпѣнія, являть смиреніе Христово безъ ущерба въ чести мірской, слѣдовать простотѣ благочестія съ высокоуміемъ вѣка сего, служить Христу съ людскою славою и благоволеніемъ, говорить рѣшительную правду, не встрѣчая никакого, даже малаго оскорбленія, — вообще достигнуть благъ будущихъ, не теряя настоящихъ. Такая воля не ведетъ къ истинному совершенству, но, поставляя въ состояніе противной теплоты, дѣлаетъ такими, каковы тѣ, о коихъ съ укоромъ говоритъ Господь въ Апокалипсисѣ: *вѣмъ твоя дѣла, яко ни студень еси, ни горячъ, — о дабы студень былъ еси, или горячъ. Тако, понеже теплъ еси, излевати тя имамъ отъ устъ Моихъ.* (Апок. 3, 15. 16). Но благодать, пришедши, возбуждаетъ энергію духа и возстановляетъ въ немъ высшія стремленія, отрѣшающія отъ всего земнаго. Подвергаясь вліянію ихъ, воля не можетъ уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но воспріемлетъ ревность о лучшемъ и ему приноситъ въ жертву все низшее. Между тѣмъ

однакожь тяготѣніе къ прежнему покою равнодушія остается въ ней, и она бываетъ очень готова опять ниспасть въ него. Чтобы этого не случилось, во плоти оставляются движенія, враждебныя высшимъ стремленіямъ, къ которымъ воля, вкусившая высшихъ благъ, благоволить не можетъ, и лишь только ощутить ихъ, тотчасъ оживляется всею ревностію и мужественно охраняетъ высія свои блага. И бываетъ, что коль скоро воля низпадетъ въ богопротивную теплохладность, возстаетъ брань плоти и пробуждаетъ ее къ энергіи. Изъ сего явно, что мы навсегда оставались бы въ состояніи помянутой выше богопротивной теплоты, еслибъ изъ него не выводила насъ возстающая въ насъ брань. Ибо при ней, когда, раболѣпствуя самоугодію, захотимъ сдѣлать себѣ нѣкоторое послабленіе, тотчасъ возстаетъ плоть и, уязвляя насъ жалами грѣховныхъ движеній и страстей, не даетъ стоять въ отрадной чистотѣ, желаемой, и увлекаетъ къ охлаждающему удовольствію — не благоволимому, увлекаетъ какъ бы на путь, заросшій терніемъ. Но это раздражаетъ заснувшую ревность по Богу; она возстаетъ и прогоняетъ подступившихъ враговъ. Ежедневно дѣйствуя въ насъ, брань сія приводитъ насъ къ благодѣтельной рѣшимости, отвергнуши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца съ многими потомъ и сокрушеніемъ духа, — хранить чистоту тѣла строгимъ постомъ, голодомъ, жаждою и неспаніемъ, — восходить въ доброе настроеніе духа чрезъ чтеніе, размышленіе и непрестанныя молитвы.

Подобное нѣчто таинственно изображено въ распоряженіи Божіемъ касательно враждебныхъ Израилю народовъ, какъ читаемъ въ книгѣ Судей: *сія язyki остави Господь, да искуситъ ими Израиля... еже научити я брани* (Суд. 3, 1. 2). — Таковую брань устроилъ Господь не потому, чтобы не хотѣлъ покоя Израилю, или не имѣлъ попеченія о его благѣ, но потому что видѣлъ, какъ много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападенію тѣхъ народовъ, онъ не могъ не чувствовать постоянно нужды въ помощи Божіей, и потому долженъ былъ пребывать во всегдашнемъ уповательномъ обращеніи къ Нему, и въ молитвѣ. Не имѣя возможности оставить дѣло брани, не имѣлъ онъ времени предаться и безопасности, или расслабѣть отъ лѣности и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергаютъ того, кого не могли побѣдить несчастія.

И отъ чего иного у скопцовъ по плоти мы находимъ душу усыпленную, какъ не отъ того, что, по заблужденію, освободивъ себя отъ этой плотской потребности, думаютъ, что не имѣютъ нужды ни въ трудѣ тѣлеснаго воздержанія, ни въ сокрушеніи сердца. Разслабленные такою безпечностію, не заботятся они и о стяжаніи истиннаго совершенства, или объ очищеніи сердца отъ душевныхъ страстей. Такое состояніе, возвышаясь надъ состояніемъ плотскимъ, остается только душевнымъ, которое словомъ Самаго Господа названо достойнымъ отверженія,—за то, что отъ холоднаго перешедши къ теплomu, остановилось на сей противной теплотѣ.

Итакъ, въ самомъ началѣ отреченія, переставая быть плотскими, т. е. начиная отдѣляться отъ обычаевъ мірскихъ и воздерживаться отъ явной плотской нечистоты, мы должны поспѣшать и всею силою стараться тотчасъ усвоить себѣ и состояніе духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись отъ міра по внѣшнему чело-вѣку, или прекратили оскверненіе себя плотскимъ любодѣйствомъ, мечтая о себѣ, какъ о достигшихъ уже совершенства, не сдѣлаться намъ потомъ нерадивыми и безпечными въ истребленіи причинъ страстей и, такимъ образомъ остановясь посрединѣ между плотію и духомъ, не остаться не достигшими степени совершенства духовнаго, полагая, что для сего совершенства достаточно по одному внѣшнему состоянію отдѣлиться отъ жизни и удовольствій міра, и быть только не причастными разврату и смѣшенію плотскому. Ибо если останемся въ семъ состояніи теплоты (равнодушія), которое считается самымъ худшимъ, то будемъ изbleваны изъ устъ Господа, какъ Онъ говорить: *понеже теплъ еси... изbleвати тя имамъ отъ устъ Моихъ* (Апок. 3, 15. 16). Справедливо Господь объявилъ о тѣхъ, кои, бывъ восприняты Имъ во утробу любви, потомъ охладѣли, что они будутъ Имъ изbleваны съ нѣкоторымъ омерзениемъ. Ибо легче обращается ко спасенію и восходитъ на верхъ духовнаго совершенства чело-вѣкъ плотской, т. е. мірской или язычникъ, нежели тотъ, кто, воспріявъ иго Христова, не вступилъ на путь къ совершенству, и попустилъ охладѣть первому огню ревности духовной. Ибо когда тотъ, будучи смиряемъ чувственными страстями и сознавая себя нечистымъ по причинѣ плотскаго оскверненія, придетъ въ сокрушеніе и прибѣгнетъ къ источнику всякой чистоты и совершенства, то, гнушаясь тѣмъ холоднымъ состояніемъ невѣрія и безпечности, въ

къ коемъ находился, горя же духомъ, удобнѣе взойдетъ къ совершенству. Напротивъ, кто съ холодностію принимается за дѣло Божіе и безъ смиренія и должнаго усердія вступаетъ на путь этого званія, тотъ, однажды будучи пораженъ этою бѣдственной заразою, не можетъ уже ни самъ собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумленіе отъ другихъ. Ибо онъ, по слову Господа, говоритъ въ сердцѣ своемъ: *Богатъ есмь, обогатихся и ничтоже требую*; тогда какъ къ нему приличнѣе приложить то, что слѣдуетъ далѣе: *и не вси, яко ты еси окаменѣ и бѣденѣ, и нищѣ, и слѣпѣ и нагѣ* (Апок. 3, 17). Такимъ образомъ, онъ становится хуже мірскаго человѣка тѣмъ, что теряетъ сознаніе, какъ онъ бѣденъ, слѣпъ и нагъ, какъ во многомъ требуетъ исправленія, сколь великую имѣетъ нужду въ наставленіяхъ и вразумленіи со стороны другихъ, почему не принимаетъ никакого спасительнаго слова, не разумѣя, что въ будущемъ вѣкѣ будетъ подлежать неизбѣжно строжайшему суду и наказанію.

ВЛІАНІЕ ХРИСТІАНСТВА

НА

ВНУТРЕННІЙ, ДУХОВНЫЙ МІРЬ

ЧЕЛОВѢКА.

*(Мысли и чувства православнаго христіанина, вызываемыя благоговѣннымъ воспоминаніемъ крещенія Россіи при святомъ Владимірѣ *).*

Каждая страна, народъ и городъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ вѣры. Страна Римская славитъ похвалами Петра и Павла, Азія—Ефесъ и Патмосъ славитъ Іоанна Богослова, Индія—Оому, Египеть—Марка (Слово о „законѣ и благодати“ м. Иларіона). И мы, возлюбленные братіе, по мѣрѣ собственныхъ силъ и средствъ, хотя малыми похвалами, славили и нынѣ славимъ своего учителя и наставника, великаго князя земли нашей, святаго Владиміра. И кто изъ истинныхъ Россіянъ, чувствующихъ въ своей груди правильное біеніе пульса духовной жизни, кто изъ людей вообще, которые стоятъ на сторонѣ вѣры, а не невѣрія и суевѣрія, на сторонѣ истины, а

*) Произнесено въ миссіонерской Покрова Пресвятой Богородицы церкви 15-го іюля—въ день памяти св. князя Владиміра.

не порока, — кто въ силахъ сказать, что это дѣлается напрасно? Трудно „исчерпать глубины морскія и измѣрить небеса, трудно вмѣстить въ мѣру прахъ земли, взвѣсить на вѣсахъ горы и на чапахъ вѣсовыхъ холмы“ (Ис. гл. 40, 12), — столь же трудно для слабаго языка человѣческаго изобразить всю многозначительность событія, — разумѣемъ крещеніе Россіи, — совершителемъ котораго, волею Провидѣнія, былъ избранъ святой Владиміръ. Гдѣ взять для этого словъ, гдѣ отыскать соотвѣтствующихъ красокъ? Глубоко правъ былъ нашъ древній лѣтописецъ, когда, въ священномъ порывѣ духовнаго восторга, сказалъ: „въ сей день (въ день крещенія кіевлянъ) земля и небо ликовали!“ И это — слова человѣка, близко по времени стоявшаго къ самому событію, который, слѣдовательно, болѣе предчувствовалъ, нежели наглядно видѣлъ неоцѣнимыя его блага. Теперь же фактъ этотъ, со всѣми его послѣдствіями, уже является какъ достоиніе исторіи. Мы ясно видимъ, что лучи славы св. Владиміра и совершеннаго имъ великаго дѣла падаютъ на колыбель младенца и слѣдуютъ за гробомъ удрученнаго лѣтами старца, — какъ простаго человѣка, такъ и Монарха. Каждая славная страница, которыми такъ обильны отечественныя Лѣтописи, должна быть связываема съ этимъ моментомъ начальной нашей исторіи, какъ слѣдствіе съ своей главной причиной. Какъ послѣ этого не слиться намъ съ остальными сынами Россіи въ одномъ общемъ чувствѣ, какъ не преклониться предъ величіемъ факта, когда дорогому отечеству нашему столь очевидно явлено особенное посѣщеніе милости Божіей?! И несомнѣнно, сердце cadaго россиянина, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ широкаго отечества своего онъ ни находился, въ сей день волнуется самыми разнообразными, самыми жгучими вопросами, связанными съ этимъ непримѣрнымъ въ нашей исторіи событіемъ. Грѣшно было бы, братіе и сестры о Христѣ, если бы только мы остались равнодушны къ этому событію: это показывало бы въ насъ нежеланіе пользоваться тѣми поучительными уроками, которыми оно глубоко назидаетъ cadaго; это свидѣтельствовало бы, что мы не слишкомъ дорожимъ великимъ званіемъ христіанина, которое въ нашемъ сознаніи должно быть неразрывно съ личностью св. Владиміра и совершеннаго имъ крещенія Россіи. Исполнимъ же, возлюбленные, нравственный свой долгъ; покажемъ, что мы цѣнимъ то достоиніе вѣры, которое получили отъ предковъ и въ знакъ этого уяснимъ себѣ, на сей разъ,

хотя одинъ вопросъ; именно: какое вліяніе имѣетъ христіанство на внутреннее, душевное состояніе людей, возрождаемыхъ подъ благодѣтельными Его воздѣйствіемъ?

Человѣкъ, какъ извѣстно, не довольствуется самимъ собою; въ себѣ самомъ и въ подобныхъ себѣ онъ не находитъ всего для него необходимаго; онъ чувствуетъ потребность въ Высочайшемъ Существовѣ—Богѣ, въ отношеніи къ Которому сознаетъ себя зависимымъ. *Имъ же образомъ желаетъ елень (лань) на источники водныя, сице желаетъ души моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. 46, 2),—говоритъ св. царь и пророкъ Давидъ, выражая этимъ одну изъ коренныхъ душевныхъ потребностей каждаго человѣка. Можно ставить препятствія этому внутреннему влеченію, какъ и камню, падающему на землю; но какъ камень, по удаленіи преграды, стремительно падаетъ къ средоточію тяжести,—такъ и человѣкъ, освободившись отъ посторонняго вліянія, которое задерживало свободное стремленіе его души, естественно тяготеетъ къ Источнику своей жизни—Господу. Слово Божіе сообщаетъ намъ, какъ св. Апостоль Павелъ, пришедши въ г. Аѳины, встрѣтилъ тамъ жертвенникъ, на которомъ было написано: *неведомому Богу* (Дѣян. 17, 23). Этотъ фактъ наглядно свидѣтельствуетъ о всемірномъ стремленіи людей къ отысканію невидимаго Бога. Само собою понятно, что стремленіе это не могло оставаться однимъ только стремленіемъ, безъ всякаго удовлетворенія; оно требовало для себя такого или иного исхода и всегда находило его,—смотря по различію вліявшихъ на это обстоятельство. У всѣхъ народовъ, на какой бы низкой ступени духовнаго развитія они ни находились, всегда были свои культы, въ которыхъ люди думали выразить свои отношенія къ божеству и тѣмъ удовлетворить присущей имъ потребности влеченія къ Богу.

Въ періодъ, предшествовавшій крещенію нашихъ предковъ Славянъ, послѣдніе полагали достигнуть этого обоготворенія стихій и явленій видимой физической природы, хотя въ культѣ ихъ сохранились еще остатки фетишизма *). Вся природа была для нихъ ве-

*) Фетишизмъ—самый низкій видъ грубаго идолопоклонства, состоящій въ обоготвореніи собственно истукановъ—изъ дерева, камня и т. под., безъ яснаго представленія о существѣ высшемъ, духовномъ.

ликимъ храмомъ; въ каждомъ проявленіи жизни природы они видѣли божество и творили ему поклоненіе; на каждомъ шагу создавали себѣ новые кумиры. Отсюда,—какова была природа, таковы были и вѣрованія ихъ, таковы и боги. Рѣки и озера, величественныя горы, дремучій лѣсъ, гремучій ключъ, студеныя колодезь, родникъ, орошающій поле; глубокій, поросшій лѣсомъ, оврагъ или безпредѣльное болото,—вотъ что сосредоточивало на себѣ вниманіе нашего предка, славянина язычника. Соотвѣтственно этому, и боги его были слѣдующіе. Первенствующее мѣсто среди нихъ принадлежало богу боговъ Сварогу (онъ же Перунъ). Это былъ великій и старѣйшій богъ, такъ сказать прабогъ, богъ въ собственномъ смыслѣ, богъ—Небо, богъ—Свѣтъ. Это, какъ говорить гимнъ или молитва на случай грома, „высокій богови, великій, страшный, ходящій въ грому, обладающій молніями, возводящій облаки и вѣтры отъ своихъ сокровищъ, отъ послѣднихъ краевъ земли, призывающій воду морскую, отверзающій хляби небесныя, сотворяющій молнію въ дождь, повелѣвающій облакамъ одождiti дождь на лице всей земли, да изведетъ хлѣбъ въ снѣдь и траву скотамъ“¹). За этимъ верховнымъ божествомъ слѣдовали его дѣти—Сварожичи: Солнце и Огонь (въ его земномъ видѣ), олицетворенные въ образахъ Дажь—Бога и Хорса; далѣе—Волось или Велесь,—скотій богъ, покровитель земледѣлія и скотоводства, а вмѣстѣ покровитель богатства и торговыхъ прибытковъ; Домовой—это образъ домашняго невѣдомаго духа, охранителя коровъ, лошадей, овецъ и всякой домашней живности; благодаря его заботамъ, дворовый скоть тучнѣетъ, по его же винѣ худѣетъ и чахнетъ; Водяной, предпочтительно живущій въ омутахъ, особенно близъ мельницъ и столь популярный даже теперь Лѣшій, который сбиваетъ путника съ прямой дороги, заводитъ въ непроходимыя болота, въ пропасти и крутые овраги, всячески потѣшается надъ нимъ, заливаясь самъ громкимъ хохотомъ. Даже каменнымъ глыбамъ, спокойно лежавшимъ среди чистаго поля, воздавалось божеское почитаніе. Таковы были главные рѣшители судебъ, которые, по ожиданію нашихъ предковъ язычниковъ, имѣли удовлетворить ихъ религіозно-

¹) Молитвы въ бездождіе въ сборникѣ 15-го вѣка, Кирилова монастыря, описанномъ въ ученыхъ Запискахъ 2 отд. Императорской академіи наукъ, кн. 5.

нравственнымъ потребностямъ, отвѣтить на всѣ ихъ духовныя, полныя мучительнаго безпокойства, запросы, утолить томительную жажду въ истинно-божественномъ и святомъ.

Но напрасны были эти ожиданія, тщетны были надежды. Душа нашихъ предковъ—язычниковъ не находила того, чего искала и чѣмъ въ глубинѣ своей томилась. Она, какъ и душа всѣхъ людей, *жаждала къ Богу крѣпкому* (Псал. 41, 3), а находила бездушныя произведенія собственнаго вымысла, своего превратно направленнаго творчества. Ей свойственно любить,—какъ солнцу свѣтить и огню жечь,—и имѣть предметомъ своей конечной любви Существо, которое есть *Сама Любовь* (1 Иоан. 4, 8, 16; 2 Кор. 13, 11), а между тѣмъ языческая религія Славянъ способна была исполнить ихъ холоднымъ, мучительнымъ страхомъ и ужасомъ, ибо она говорила о богахъ, которые играли жребіемъ людей и увеселялись ихъ кровью, наказывали безъ всякой разумной цѣли,—лишь для проявленія своего грознаго величія или для глупой острастки. Далѣе,—въ душѣ человѣка живетъ неискоренимое влеченіе къ нравственному совершенству; онъ желаетъ гармонически—правильнаго дѣйствованія всѣхъ своихъ силъ и способностей,—а чувствовалъ лишь ихъ разладъ, полное ихъ разстройство и неудержимый разгулъ страстей. Онъ ищетъ участливаго отзывчиваго сердца,—но ниоткуда не видѣлъ руки помощи, не слышалъ звука утѣшенія. Онъ былъ одинокъ съ своимъ утомленнымъ, истерзаннымъ сердцемъ. А между тѣмъ, грѣхъ не тихою струею, но бурнымъ мутнымъ потокомъ лился по всему теченію его жизни, новою все большею и большею тяжестью падалъ на его совѣсть и, какъ ядовитый червь, все глубже и глубже точилъ его больное сердце. Въ окружающей насъ внѣшней природѣ мы, жители юга, нерѣдко бываемъ свидѣтелями такого рода явленія. Наступитъ знойное лѣто. Проходятъ дни, недѣли, а на небѣ невидно бываетъ ни одного облачка; освѣжающій въ другое время вѣтерокъ не колышетъ и древеснаго листка: ничто не умѣряетъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Какъ будто, по грозному слову древняго пророка Моисея, „небо готово стать мѣдью, а земля желѣзомъ; по крайней мѣрѣ, вмѣсто живительнаго дождя, падаетъ ѣдкая пыль и прахъ“ (Второз. 28, 23—24)... И какая печальная картина представляется тогда взору наблюдателя! Тамъ, гдѣ воздухъ дышалъ чуднымъ благоуханіемъ, среди полной нѣкогда жизни природы, гдѣ

разстилались разноцвѣтные ковры полевыхъ цвѣтовъ, — уныло смотрѣть жалкіе остатки обильной производительности почвы. Цвѣты, которыми бы только любоваться, быстро вянуть и опускають свои недавно благоухавшія головки; высокая, нѣжно-бархатная зелень, дававшая убѣжище и защиту цѣлымъ міриадамъ всегда веселыхъ насѣкомыхъ, не оставляетъ и слѣда красоты вида своего. И вотъ, гдѣ раньше, — во время свѣжести и прохлады, — было столько звуковъ, гдѣ словно одинъ мощный аккордъ стоялъ въ воздухѣ, тамъ водворяется унылая тишина; на ряду съ насѣкомыми и птицы покидаютъ негостепріимныя, иссушенныя зноемъ, равнины, стараясь укрыться въ прохладныя чащи лѣсовъ. А человекъ, — этотъ царь природы? И онъ спѣшитъ въ загородные сады и тѣнистыя дачи. И плохо тѣмъ, кто не можетъ этого сдѣлать, кто вынуждается на себѣ испытать разслабляющее дѣйствіе палящихъ солнечныхъ лучей. Въ большинствѣ случаевъ имъ приходится тогда влачить вялую, томительную, а подчасъ и болѣзненную жизнь. Тоже было съ иссушеною грѣхомъ, бесплодною для добродѣтели нивою сердець нашихъ предковъ, неорошаемую божественною благодатію, „немощная врачующею и оскудѣвающая восполняюще“. Разница лишь въ томъ, что внѣшняя физическая природа, благодаря смѣнѣ атмосферныхъ явленій, рано или поздно снова оживаетъ, являясь въ прежней обновленной своей прелести и красотѣ; а нашъ предокъ — язычникъ былъ полонъ мрачной безнадежности и горя; онъ лишь томился по чемъ-то лучшему, идеальномъ и святомъ, но нигдѣ, какъ мы видѣли, не находилъ для достиженія этого опоры, — ни внутри себя, ни внѣ. Положеніе его становилось безотраднымъ, тоска и скорбь безысходными. Сердце готово облиться кровію, когда подумаешь, чѣмъ бы все это могло кончиться, еслибы осталось безъ переменъ къ лучшему. Судьба древняго *дохристіанскаго* языческаго міра слишкомъ плачевна, чтобы можно было не опасаться за положеніе и нашихъ предковъ — русскихъ славянъ идолопоклонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, до чего дошли язычники дохристіанскаго времени, — люди, предоставленные самимъ себѣ, сердца которыхъ не были орошаемы божественною благодатію? Самосозданные, измышленные боги — идолы и истуканы не могли указать несчастному язычнику пути къ нравственному преуспѣянію и спасенію, — къ достиженію этихъ высшихъ цѣлей земного человѣческаго бытія. Утружденное язычество, въ лицѣ лучшихъ своихъ представи-

телей, дошло до признанія невозможности познавать истинное и дѣлать доброе. „Я качаюсь, говоритъ одинъ древній ученый язычникъ — Сенека, на морѣ бурныхъ преступленій“²). Человѣческій духъ отъ природы упрямъ и всегда стремится къ запрещенному и опасному“. Мы должны сказать о себѣ, что мы злы, а я, къ сожалѣнію, долженъ прибавить, что и въ будущемъ мы останемся такими“. „Никто не въ состояніи помочь самому себѣ; ему долженъ кто-нибудь подать руку, чтобы поднять его“. Итакъ, наступало время, когда лучшіе изъ язычниковъ, сознательно относившіеся къ явленіямъ своей духовной жизни, готовы были дойти до отчаянія, — этого полного нравственнаго самоуничтоженія. Грубое, часто отвратительное преобладаніе плоти надъ духомъ повергло міръ въ мучительное состояніе предсмертной агоніи; и послѣдній часъ его исторической жизни скоро долженъ былъ пробить: *правда возвышаетъ языкъ; умаляютъ же племена ирѣси* (Притч. 14, 34); *праведность ведетъ къ жизни, а стремящійся ко злу стремится къ смерти своей* (Притч. XI, 19). Нашлись даже люди, которые, видя безысходность положенія языческаго міра, рекомендовали самоубійство, какъ единственное средство покончить съ этимъ положеніемъ“. Видишь-ли ты ту крутую и обрывистую возвышенность? — говорилъ уже упомянутый нами языческій ученый Сенека³). Оттуда путь къ свободѣ! Видишь-ли то море, ту рѣку, тѣ колодцы? Тамъ внизу на глубинѣ свобода! Видишь-ли то низкое засохшее дерево? Тамъ виситъ свобода! Не имѣешь-ли ты шеи, горла, сердца? Тамъ спасеніе отъ рабства! Таковы были возрѣнія, думы и чувства языческаго міра, *который славу нетлннаго Бога измѣнилъ въ образъ, подобный тлннному челоуьку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся, который истину Божию замѣнилъ ложью, поклонялся и служилъ твари вмѣсто Творца, за что и предалъ его Богъ въ похотяхъ сердца его нечистотъ* (Римл. 1, 23—25). Создалось такое положеніе, при одной мысли о которомъ болѣзненно сжимается сердце. Языческое дохристіанское челоуьчество стало подобно одряхлѣвшему организму, который доживалъ послѣдніе дни и уже при самой жизни своей разлагался. Что можетъ быть ужаснѣе этой потрясающей душу картины?...

Преподаватель Тифлисской духовной семинаріи М. Доброуравовъ.

(Окончаніе будетъ).

De ira.

Образъ Божій въ человѣкѣ по воззрѣнію отцовъ и учителей Церкви

(Продолженіе *).

Но говоря безотносительно объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ, вышеупомянутые отцы Церкви и Тертуллианъ всегда указывали этотъ образъ въ строгомъ смыслѣ или вообще въ душѣ человѣческой, или въ ея способностяхъ³⁸). Слѣдовательно, они своимъ ученіемъ о плоти, какъ образѣ Божіемъ, хотѣли выразить только ту мысль, что человѣческое тѣло есть какъ бы „спутница души, безъ которой душа обойтись не можетъ, „хотя и управляетъ этимъ тѣломъ“, — „сосудъ души“, — и потому оно можетъ отчасти и воспринимать достоинства души“, созданной по образу Божію³⁹). Нельзя поэтому считать св. Иринея, св. Іустина и Тертуллиана противорѣчащими другимъ отцамъ и учителямъ Церкви, ясно и рѣшительно учившимъ о томъ, что образъ Божій заключается главнымъ образомъ въ душѣ человѣческой; при чемъ тѣло понималось ими только какъ „сосудъ, въ которомъ душа заключена подобно драгоценной эссенціи⁴⁰), — какъ „орудіе, одежда и риза души⁴¹“). Къ числу этихъ отцевъ и учителей Церкви принадлежатъ всѣ коринѳеи христіанской литературы періода до вселенскихъ соборовъ и періода вселенскихъ соборовъ до Іоанна Дамаскина и Максима Исповѣдника включительно. Таковы въ хронологическомъ порядкѣ: Татіанъ⁴²), Лактанцій⁴³), Климентъ Александрійскій⁴⁴), Оригенъ⁴⁵), св. Аванасій Великій⁴⁶), св. Амвро-

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экз.» № 11-й.

³⁸) Св. Іустинъ Фил. *Dial. cum Tryph. n. 4*; св. Ирин. Лион. *Contra haer. l. IV, c. 4, n. 3*; Тертул. *Adv. Marc. 8, 11*.

³⁹) Тертул. *De resurr. VII*; срав. св. Іуст. *De resurr. n. 10*; св. Ирин. *Contra haer. l. 11, c. 34, n. 4*.

⁴⁰) Лактанцій.

⁴¹) Св. Кириллъ Іерусалимскій.

⁴²) Рѣчь прот. Элиновъ—р. 7 и 12. Правосл. Обзор. 1863 г., т. 12.

⁴³) О творчес. Божіемъ гл. 16.

⁴⁴) *Strom. 11, 22; V, 4*.

⁴⁵) *Contra Cels. l. VIII, n. 49; De princip. l. 1, c. 1, n. 7*.

⁴⁶) О началѣ и происх. идолопкл. Хр. Чт. 1837 г., ч. IV, стр. 4.

сѣй Медіоланскій ⁴⁷), Макарій Великій ⁴⁸), св. Кирилль Іерусалимскій ⁴⁹), св. Василій Великій ⁵⁰), св. Григорій Нисскій ⁵¹), св. Іоаннь Златоустъ ⁵²), св. Григорій Богословъ ⁵³), св. Кирилль Александрійскій ⁵⁴), блаж. Августинъ ⁵⁵), блаж. Θεодоритъ ⁵⁶), св. Исидоръ Пелусіотъ ⁵⁷), св. Іоаннь Дамаскинъ ⁵⁸), св. Максимъ Исповѣдникъ ⁵⁹). Съ особенною убѣдительною старались развивать свои мысли объ образѣ Божіемъ только въ душѣ человѣческой тѣ изъ отцевъ и учителей Церкви, которые имѣли въ виду лжеученіе антропоморфистовъ. Антропоморфисты, по свидѣтельству св. Кирилла Александрійскаго и блаж. Θεодорита, „*stulte atque imprudenter plane (ex magna simplicitate)*“ говорили, что „*(corpus humanum ad imaginem Dei factum esse corporis imaginem et ipsam visibilem speciem, non aliud quidquam, esse similitudinem cum Deo* ⁶⁰). Чтобы опровергнуть это заблужденіе, отцы и учителя Церкви обыкновенно развивали то положеніе, что въ Свящ. Писаніи образъ Божій исключительно приписывается душѣ человѣческой, одаренной способностью владычествовать надъ всѣмъ земнымъ ⁶¹), а также достигать нравственнаго богоподобнаго совершенства ⁶²), а не тѣлу.

⁴⁷) *Нехает. l. VI, c. 8.*

⁴⁸) Слово о хранен. сердца.

⁴⁹) Четверт. огласит. слово—18.

⁵⁰) Толков. на псал. 48, ст. 13.

⁵¹) Объ устроен. челов. 16.

⁵²) Бес. на кн. Быт. VIII, 3.

⁵³) Слово 7-е о душѣ.

⁵⁴) *Adv. Anthrop.; Commentar. in Ioan. l. IX, c. 14.*

⁵⁵) *De trinit. l. XIV, c. III.*

⁵⁶) *Qu. XXI.*

⁵⁷) Твор. ч. 2, стр. 147..

⁵⁸) Точн. излож. прав. вѣр. кн. II, гл. 12.

⁵⁹) *Ep. mixt. t. sec. p. 241.*

⁶⁰) *Contra Anthropom. c. III; qu. XX.*

⁶¹) Св. Григор. Нисск. Объ устр. челов. 4; св. Іоан. Злат. Бес. на кн. Быт. VIII, 3; блаж. Θεодор. *qu. XX*; Исидор. Пелус. Твор. ч. 2, пис. 95.

⁶²) Блаж. Август. *De Trinit. l. XII, c. 7*; св. Кир. Алекс. *Commen. in Ioan. l. IX, c. XIV.*

Признавая образъ Божій въ душѣ человѣческой, нѣкоторые отцы и учителя Церкви понимали его очень широко: именно, они обращали вниманіе на Троичность Лиць въ Богѣ при единствѣ Его Существа и въ параллель этому указывали на единство человѣческой души при тройственности ея главнѣйшихъ силъ. Сюда относится ученіе св. Амвросія Медиоланскаго, блаж. Августина и блаж. Феодорита. Св. Амвросій пишетъ по этому поводу слѣдующее: „Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, но не три Бога, а единъ Богъ, имѣющій три Лица: такъ точно душа—умъ, душа—воля, душа—память; но не три души въ одномъ тѣлѣ, а одна душа, имѣющая три силы, и въ этихъ-то трехъ силахъ нашъ внутренній человѣкъ по природѣ своей удивительно отражаетъ образъ Божій“⁶³). Блаж. Августинъ въ своей „Исповѣди“ говоритъ: „Я желалъ-бы, чтобы состязающіеся между собою вмѣсто бесполезныхъ словопреній углубились лучше въ самихъ себя, именно, въ свое бытіе, свой умъ и свою волю“⁶⁴). Конечно, эта тройственность наша далеко не то, что Троичность Божества, и не раскроетъ намъ тайны ея; но я предлагаю это для того, чтобы чрезъ собственное размышленіе—познаніе ощутили ближе, какъ мы далеки отъ своего Первообраза, что наша тройственность только подобіе или образъ Троичности Божественной, и что тайна Божественной Троицы можетъ быть постигаема не столько разумомъ, сколько вѣрою⁶⁵). „Можно найти, пишетъ блаж. Феодоритъ, и точнѣйшее сходство съ Богомъ въ душѣ человѣческой. Такъ она имѣетъ разумъ и жизнь; умъ (человѣческій) рождаетъ слово, съ словомъ вмѣстѣ исходитъ дыханіе, которое не рождается какъ слово, но всегда сопутствуетъ ему и когда рождается слово, исходитъ вмѣстѣ съ нимъ. Но и въ семъ отношеніи человѣкъ подобенъ Богу только, какъ образъ; почему ни слово его, ни дыханіе не имѣютъ самостоятельнаго бытія“⁶⁶).

Наряду со столь широкимъ пониманіемъ образа Божія въ душѣ человѣка мы встрѣчаемъ у отцовъ и учителей Церкви болѣе частныя опредѣленія образа Божія. Эти опредѣленія состоятъ въ указаніи

⁶³) *Lib. de dign. condit. hum. c. II.*

⁶⁴) *ut cogitarent in seipsis haec tria: esse, nosse, velle.*

⁶⁵) XIII, XI.

⁶⁶) *Qu. XX.*



отдѣльныхъ чертъ духовной природы чловѣка, въ которыхъ отображаются свойства Божества. Такъ, мысль отцовъ Церкви останавливалась на самой природѣ духа, какъ такого, и усматривала образъ Божій въ простотѣ и неразрушимости души. Въ этомъ смыслѣ выражались: Татіанъ ⁶⁷⁾, Антоній Великій ⁶⁸⁾, Григорій Богословъ ⁶⁹⁾, Исидоръ Пелусіотъ ⁷⁰⁾, св. Ефремъ Сиринъ ⁷¹⁾. Обращая затѣмъ вниманіе на силы или способности духа, въ которыхъ онъ проявляется, какъ живое существо, — отцы и учителя Церкви полагали образъ Божій въ разумности души, въ ея свободѣ и въ ея способности любить.

Что чловѣкъъ есть *Zoon logicon*, въ чемъ и заключается его богоподобность, — это мнѣніе поддерживало наибольшее число отцовъ и учителей Церкви, которые высказывали его съ особенною ясностью и опредѣленностью. По ученію ихъ, Богъ сотворилъ душу чловѣка, одаренную разумомъ; въ этой разумности и состоитъ богоподобность души. Изъ отцовъ и учителей этой группы слѣдуетъ отмѣтить — св. Іоанна Дамаскина ⁷²⁾, св. Григорія Нисскаго ⁷³⁾, св. Кирилла Іерусалимскаго ⁷⁴⁾, блаж. Августина ⁷⁵⁾, св. Григорія Богослова ⁷⁶⁾, Климентя Александрійскаго ⁷⁷⁾, блаж. Θεодорита ⁷⁸⁾, Оригена ⁷⁹⁾ и др. Разумъ чловѣческой, какъ образъ Божій, существенно отличается,

⁶⁷⁾ Рѣчь прот. Элмин. р. 7.

⁶⁸⁾ Письм. къ монах. 4. Христіан. Чтен. 1826 г., т. XII.

⁶⁹⁾ Слово 7-е о душѣ .

⁷⁰⁾ Твор. ч. 2, стр. 147.

⁷¹⁾ О добродѣт. и страст. Прибавл. къ Твор. св. отц. 1850 г., кн. 3, стр. 128 и друг.

⁷²⁾ Точн. Излож. Прав. вѣр. 11, 12.

⁷³⁾ Объ устроен. чел. XI.

⁷⁴⁾ Четв. оглас. слово къ просвѣщ.

⁷⁵⁾ О градѣ Бож. кн. XII, гл. 23; *De Trinit. lib. XII, cap. VII.*

⁷⁶⁾ Твор. ч. IV.

⁷⁷⁾ *Protrep. p. 62; Stromat. 11, p. 405; VI. p. 682.*

⁷⁸⁾ *In cap. XXVII Iesec.*

⁷⁹⁾ *De princip. IV, 37.*

по отеческимъ воззрѣнiямъ, отъ разума животныхъ. Тогда какъ „бес-
словесныя видятъ только то, что находится вблизи ихъ, и стремятся
только къ тому, что бываетъ предъ глазами ихъ,—человѣкъ, напро-
тивъ, не вдругъ устремляется къ предметамъ, представляющимъ его
взору, но своимъ умомъ обсуживаетъ то, что видитъ очами“. Такъ
что по своей разумности человѣкъ имѣетъ совершенно особенную
природу: онъ „является судьей самыхъ чувствъ и то, что они воспри-
нимаютъ, онъ обсуживаетъ, передаетъ памяти и показываетъ имъ,
какой предметъ лучше“⁸⁰). Далѣе, Богъ есть существо абсолютное,
неограниченное; и „съ этимъ свойствомъ Божиимъ имѣетъ нѣкоторое
родство (сходство) разумъ человѣческой, потому что и онъ въ одно
мгновенiе обтекаетъ востокъ и западъ, сѣверъ и югъ, небесное и
подземное, но не на самомъ дѣлѣ, а только мыслию“⁸¹). Отличаясь
отъ ума животныхъ, человѣческой разумъ заявляетъ свою богопо-
добность особенно тѣмъ, что онъ можетъ „созерцать Бога“⁸²),
„уразумѣвать своего Творца и Зиждителя“⁸³), „удивляться разно-
образiю Его творенiй и величию Его Всемогущества“⁸⁴). (Ср. также
св. Іустина Мученика⁸⁵), Аѳинагора⁸⁶), Григорiя Богослова⁸⁷) и др.).

Преподаватель Тифлисской духовной семинарiи Н. Булакова.

(Окончанiе будетъ).

⁸⁰) Св. Аѳанас. Велик. Христ. Чтен. 1837 г., ч. IV, стр. 115.

⁸¹) Блаж. Θεодоритъ. Христiан. Чтен. 1845 г., ч. III, стр. 34.

⁸²) Св. Аѳанасiй Великiй.

⁸³) Св. Василiй Великiй.

⁸⁴) Лактанцiй.

⁸⁵) *Dial. cum Tripht. IV.*

⁸⁶) *De resurr. XIII.*

⁸⁷) Твор. ч. IV, стр. 200.

ЗАМѢТКА

о результатахъ годовыхъ испытаній въ Тифлисской духовной семинаріи.

Нѣкоторые родители воспитанниковъ Тифлисской духовной семинаріи, а также другія лица, интересующіяся ходомъ дѣла въ этой высшей духовной школѣ Экзархата, склонны сѣтовать по поводу экзаменаціонныхъ результатовъ 189²/₃ учебнаго года. Жалуются главнымъ образомъ на неумѣренную будто бы строгость преподавателей при оцѣнкѣ ученическихъ познаній въ предметахъ семинарскаго курса,—и говорятъ, что только этой строгости должно приписать большое число (49) уволенныхъ въ этомъ году изъ семинаріи учениковъ. Для выясненія степени законности такихъ сѣтованій мы признаемъ полезнымъ ознакомить интересующихся въ семь дѣлъ лицъ съ обстоятельствами, вызвавшими увольненіе нѣсколько большаго сравнительно съ прошлогоднимъ количества учениковъ.

Изъ общаго числа (49) уволенныхъ воспитанниковъ почти половина (23) падаетъ на два отдѣленія 1-го класса*). Въ настоящемъ случаѣ обстоятельство это имѣетъ важное значеніе. Изъ *официальныхъ* данныхъ Правленію семинаріи извѣстно, что воспитанниковъ, рекомендованныхъ училищами къ поступленію въ 1-й классъ семинаріи, значительно больше, чѣмъ сколько можно принять въ этотъ классъ по существующимъ узаконеніямъ**). Предполагая даже, что нѣкоторые изъ сихъ воспитанниковъ, по какимъ—либо обстоятельствамъ, не поступятъ въ семинарію,—хотя такіе случаи въ послѣднее время стали очень рѣдки,—Правленіе всеже имѣло основанія полагать, что желающихъ поступить въ 1-й классъ семинаріи вмѣстѣ съ оставленными на повторительный курсъ въ этомъ же классѣ будетъ никакъ не меньше той нормы, какая опредѣлена семинарскимъ уставомъ. Такимъ образомъ, Правленію семинаріи приходилось избрать одно изъ двухъ: или не увольнять *завѣдомо* малоспособныхъ и не-

*) См. разрядной списокъ учениковъ семинаріи, напечатанный въ 13 № «Духовнаго Вѣстника Грузинскаго Экзархата».

**) Согласно 122 § устава духовныхъ семинарій, въ 1-й классъ семинаріи можетъ быть принято не болѣе 50 учениковъ; а при существованіи въ здѣшней семинаріи одного параллельнаго отдѣленія 1-го класса не болѣе, значить, 100.

успѣвающихъ учениковъ и тѣмъ преградить путь къ поступленію въ I-й классъ семинаріи нѣкоторымъ изъ такихъ воспитанниковъ, которые, по отзывамъ училищныхъ Начальствъ, вполне подготовлены къ прохожденію семинарскихъ наукъ; или же, уволивъ изъ семинаріи первыхъ, открыть доступъ послѣднимъ. Правленіе семинаріи естественно избрало второе. Итакъ, увольненіе значительнаго числа учениковъ I-го класса зависѣло не только отъ малоспособности ихъ, — хотя и одно это обстоятельство служить вполне достаточнымъ и законнымъ къ тому основаніемъ, — но и отъ другихъ причинъ, изъ которыхъ главною была ограниченность вакансій для вновь поступающихъ въ семинарію учениковъ; кромѣ того, нѣкоторые, — правда немногіе, — уволены за невзносъ платы, взимаемой съ инословныхъ воспитанниковъ за право ученія въ семинаріи.

Что же касается остальныхъ 26 учениковъ, уволенныхъ изъ старшихъ классовъ, то на это были особыя законныя причины. Въ числѣ таковыхъ имѣлись въ виду упорныя нарушенія нѣкоторыми воспитанниками самыхъ основныхъ требованій ученической дисциплины въ теченіи цѣлаго года и самовольное безпричинное уклоненіе отъ экзаменовъ, соединенное иногда съ грубостью и завлдомо дѣйствительнымъ оправданіемъ. Оставлять такіе проступки, не подвергая виновныхъ строгому взысканію, значило бы нанести существенный вредъ учебно-воспитательному дѣлу. Такая опасность была тѣмъ болѣе серьезна, что указанные проступки допускались не по невѣдѣнію, не по юношескому даже легкомыслію, а по сознательно-пренебрежительному отношенію къ дѣйствующему въ семинаріи уставу. Если прибавить къ сказанному, что около 10-ти воспитанниковъ оставили семинарію по прошеніямъ своихъ родителей, то процентъ выбывшихъ изъ нея по малоуспѣшности окажется вполне приближающимся къ обычному числу дѣтей, оставляющихъ среднеучебныя заведенія безъ полного окончанія курса. Сверхъ сего, мы находимъ полезнымъ напомнить, что есть предѣлы, за которые нельзя переступать въ снисходительности къ дѣтямъ: иначе снисходительность эта легко перейдетъ въ потворство со всѣми его вредными послѣдствіями. Нравственный и вмѣстѣ служебный долгъ cadaго педагога заботиться о томъ, чтобы духовно сродниться съ питомцами, скорбѣть ихъ печалями и своимъ цѣлесообразнымъ участіемъ и помощію возможно болѣе облегчить ихъ тяжелый трудъ; онъ обязанъ войти въ положеніе

дѣтей и, насколько возможно, снисходить къ ихъ немощамъ; но отъ него далеко должна быть мысль потакать своимъ ученикамъ. Дѣлать такъ значило бы не только не содѣйствовать поднятію уровня духовнаго развитія учениковъ, но даже способствовать его пониженію. Лыстимъ себя надеждою, что съ высказанною нами сейчасъ мыслию согласятся и тѣ родители, которые по любви къ своимъ дѣтямъ готовы желать для нихъ такой снисходительности, которая идетъ въ разрѣзъ съ требованіями педагогики.

Въ заключеніе своей рѣчи по занимающему насъ предмету, позволимъ себѣ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое въ данномъ случаѣ можетъ имѣть свое значеніе, — мы разумѣемъ образовательный цензъ современнаго грузинскаго духовенства. Ни для кого не тайна, что послѣднее въ числѣ своихъ членовъ имѣетъ преобладающее большинство такихъ лицъ, которые не окончили полного курса не только въ семинаріи, но и въ училищѣ; не мало пастырей и съ домашнимъ образованіемъ. Это видно изъ отчета Совѣта Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ за 1891-й годъ; здѣсь говорится, что въ отчетномъ году *священники съ домашнимъ образованіемъ* были, между прочимъ, въ слѣдующихъ приходахъ Общества—а) Грузинской епархіи: въ Тлисскомъ, Джрѣйскомъ, Додотскомъ, въ Хачираанткарскомъ, въ Куцхоетскомъ, въ Цинсопельскомъ, въ Кобійскомъ, въ Сіонскомъ, въ Степанцминдскомъ, въ Уканапшавскомъ, въ Мукскомъ, въ Ахадо-Наджикетскомъ, Борисахскомъ, Панкійскомъ и во многихъ другихъ; б) Гурійско-Мингрельской епархіи—въ приходахъ: Таврарскомъ, Мужальскомъ, Цвримскомъ и др.; в) Сухумской—въ приходахъ: Швацкальскомъ, Тамушскомъ, Квитаульскомъ, Эшкетскомъ, Поквешскомъ, Чхортольскомъ, Мухурскомъ, Ташлонскомъ, Пахуланскомъ и др. Изъ того же отчета видно¹⁾, что въ нѣкоторыхъ приходахъ священниками состоятъ лица, получившіе образованіе въ низшихъ классахъ духовныхъ училищъ, въ учительскихъ семинаріяхъ и даже одноклассныхъ сельскихъ школахъ. При такихъ условіяхъ, положеніе воспитанниковъ, по разнымъ обстоятельствамъ вынужденныхъ выйти изъ семинаріи, не окончивъ полного курса, не такъ еще печально, — особенно, если сравнить его съ положеніемъ такихъ же воспитанниковъ русскихъ семинарій. Для послѣднихъ путь къ дости-

1) 198—315 стр.

женію священства, можно сказать, закрыть совершенно; между тѣмъ какъ первыхъ нерѣдко видишь въ санѣ діакона, а болѣе развитыхъ и въ санѣ священника. Правда, имъ приходится трудиться при далеко неблагоприятныхъ условіяхъ, — въ такихъ приходяхъ, куда весьма неохотно идутъ воспитанники, окончившіе полный семинарскій курсъ ученія. Но вѣдь справедливость требуетъ, чтобы каждому воздавалось по заслугамъ.

Этимъ мы заканчиваемъ свою рѣчь. Да не посѣтуютъ на насъ тѣ, кому слова наши покажутся горькими. Мы не хотѣли ласкать слухъ неправдою; нашимъ желаніемъ было выяснить дѣйствительныя причины даннаго факта.

М. Д.

Посѣщеніе церковно-приходской школы села Тирдзиси
(горійскаго уѣзда).

Проѣзжая чрезъ село Тирдзиси 25-го іюня, мы посѣтили церковно-приходскую школу. Классныя занятія въ школѣ окончились 17-го іюня, а 18-го произведены были учащимся годовыя испытанія. Не смотря на это, школа 25-го іюня не оказалась пустою. Изъ 18-ти дѣвочекъ, обучавшихся въ истекшемъ учебномъ году, *восемь*, при посѣщеніи школы, занимались рукодѣліемъ подъ присмотромъ ученицы 4-го класса Горійской Анастасьевской женской прогимназіи, дочери мѣстнаго священника о. Спиридона Касрадзе. Дѣвочки, свободныя иногда отъ домашнихъ работъ, и въ теченіе каникулъ не прерываютъ связи съ школою, имѣютъ возможность приходить подъ кровъ ея и заниматься необходимымъ для нихъ рукодѣліемъ. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это отрадное явленіе, достойное подражанія.

Въ школу прибыли: попечитель ея, Горійскій уѣздный предводитель дворянства Иванъ Давидовичъ Сулхановъ и приходскій священникъ, законоучитель школы о. Спиридонъ Касрадзе. Подъ управленіемъ о. настоятеля дѣвочки по-грузински очень стройно исполнили нѣкоторыя изъ пѣснопѣній, которыя хоромъ всѣ учащіяся поютъ въ церкви („Святъ, святъ, святъ“, „Достойно есть“ и др.). Раз-

смотрѣны были нами ученическія упражненія въ чистописаніи и ариѳметикѣ. Тетради чисты. Судя по подписямъ, учитель школы (Сехніевъ, студентъ Тифлисской духовной семинаріи) своевременно читалъ и исправлялъ упражненія.

Школьное помѣщеніе устроено попечителемъ школы И. Д. Сулхановымъ на принадлежащей ему усадьбѣ. Всѣ интересы школы, способствующіе къ возвышенію ея, ревностно охраняются и съ любовью удовлетворяются. Для классныхъ занятій отведена большая, свѣтлая (о пяти окнахъ) комната; снабжена она приличною классною мебелью. Около школы разводится садикъ и цвѣтникъ. Учителю школы предложены особая квартира и столъ. Въ учебное время учащимся выдается однообразная одежда: мальчикамъ—блузы, дѣвочкамъ—платья коричневаго цвѣта съ бѣлыми фартуками. *Значеніе церковно-приходской школы высоко цѣнится* самимъ попечителемъ и его женою: они посылаютъ въ школу для занятій и своихъ дѣтей (одного сына и трехъ дочерей), которыя получаютъ первоначальное образованіе на ряду съ крестьянскими мальчиками и дѣвочками.

Инспекторъ Тифлисской духовной семинаріи іеромонахъ *Іоанникій*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Н. М. РЫСИНЪ СЪ С-М. И.

Фирма существуетъ съ 1865 года.

ОТДѢЛЕНІЕ ВЪ ЦАРИЦЫНѢ НА ВОЛГѢ.

ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ

и готовыя священническія, діаконскія и др. пасхальныя, праздничныя и лѣтнія облаченія и подризники; бархатъ, парча, газетъ, муаръ и проч. Золотошвейныя вещи: плащаницы, хоругви, воздухи и покровы. 84 пробы вещи: сосуды, ковчеги, Евангелія, кресты, кадила, Дароносицы и проч. Паникадила, подсвѣчники: за-

престольные, мѣстные и выносные. Лампады, всеобщныя блюда, па-
нихидницы и т. под. Водосвятныя чаши, купели и пр.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ВСѢ ЦЕРКОВНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫОБЛАКТОСЯ

П Р Е Й С Ъ - К У Р А Н Т Ъ.

Адресъ для писемъ: *Н. РЫСИНУ* въ Царыцынѣ на Волгѣ „ „

— телеграммъ: Царыцынѣ, *РЫСИНУ*.

12—10.

Содержаніе № 14-го. *Официальная часть:* Высочайшее повелѣніе. Отъ Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы. Распоряженія епархіальнаго начальства. Разрядной списокъ учениковъ Горійскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ экзаменовъ, бывшихъ въ концѣ 189²/₃ учебнаго года. Разрядной списокъ учениковъ Владикавказскаго духовнаго училища, составленный послѣ испытаній, бывшихъ въ маѣ и іюнѣ 189²/₃ года. Разрядной списокъ воспитанниковъ Тифлисскаго епархіальнаго женскаго училища, составленный въ засѣданіи Совѣта училища 1-го іюня 1893 года. Объявленіе отъ правленія Телавскаго духовнаго училища. Объявленіе отъ Редакціи. *Часть неофициальная:* Борьба плоти и духа. Вліяніе христіанства на внутренній, духовный міръ человѣка—преподавателя Тифлисскаго духовной семинаріи *М. Добронравова*. Образъ Божій въ человѣкѣ по воззрѣнію отцовъ и учителей Церкви—преподавателя Тифлисскаго духовной семинаріи *Н. Булжакова*. Забѣтка о результатахъ годичныхъ испытаній въ Тифлисскаго духовной семинаріи—*М. Д.* Посѣщеніе церковно-приходской школы села Тирдзисис инспекторомъ семинаріи іеромонахомъ Іоанникіемъ. Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 15-го іюля 1893 г. Цензоръ Протоіерей *Е. Елизъ*.

Типографія *Е. Хеладзе*. Лорисъ-Меликовская ул. домъ Квашозетской Георгіевской церкви № 28-й.